

Глава 40. Демонические добродетели. (Гермиона)

Джинни распростерлась в септаграмме в точности по моим указаниям. При этом подол ее мантии задрался, обнажив ее ножки, и я ощутила странное чувство, которое больше привыкла испытывать в присутствии Гарри. Честно говоря, доводилось мне видеть рыженькую и вообще без ничего, но почему-то это не давало такого интересного эффекта. Может, я взрослею? Или это — влияние варпа? Открылась одна из шести дверей?

— Эй-эй! — возмутилась Джинни. — Это на что такое ты смотришь? И о чем думаешь?

Примечательно, что движения поправить мантию Джинни не сделала. Так что, не отводя взгляда, я ответила на второй вопрос, проигнорировав первый, как тривиальный. И нет, ответ был не «о сущности инобытия», как я в свое время ответила на аналогичный вопрос Снейпа.

— О том, что жадность — входит в число демонических добродетелей.

— И гордыня — тоже, — добавил Мори, вытормаживаясь из варпа и перетекая из темного вихря в знакомый облик Гарри Поттера.

Вот при его появлении Джинни дернулась... но движения своего не завершила, оставив мантию в том положении, где он оказался.

— И гордыня, — согласилась я, понимая, что именно гордыня заглушает голос ревности уверенностью в том, что «я все равно останусь первой».

— Кстати, неплохо ты Рона отшила...

Я вспомнила, как по дороге к туалету мы наткнулись на Ронникинса, и он поинтересовался: куда это нас с Джинни Мордред несет? Ответ был, признаться, не вполне вежлив. И, судя по словам Гарри, Ронникинс пошел-таки туда, куда я его направила.

— К Плаксе Миртл завернул? — на всякий случай уточнила я.

— Именно туда, — с улыбкой отозвался Гарри. — Он все еще сидит там и молчит, уткнувшись в стенку.

Признаться, достижение было из разряда «так себе». Низший, в которого медленно и незаметно даже для себя, но почти необратимо мутировал Рон — не имел никаких шансов в противостоянии воли даже с начинающей княгиней демонов, а потому — подчинился беспрекословно.

Между тем Гарри прошел вокруг так и лежащей в септаграмме Джинни, расставляя свечи и располагая в нужных местах пучки травы и камни, взятые из разных мест Хогвартса по подсказке Анны Гриффиндор. В принципе, этого можно было бы и не делать, заместив недостающие материальные компоненты силой варпа... Да, вообще говоря, и сама септаграмма была излишней. Но вот только сами суть и смысл ритуала были в том, чтобы стандартизировать наши сознания, позволить сосредоточиться на желаемом, а не растрчивать даже не столько силы, сколько внимание, на поддержание «материальных» компонентов.

Джинни, не двигая ни рукой, ни ногой, поворачивала голову с боку на бок, рассматривая то, что мы делаем. На поверхности ее сознания метался вопрос о том, откуда Гарри знает, что мы задумали, и что мне понадобится для проводимого ритуала. Но вслух она не произнесла ничего, демонстрируя доверие. Хотя доверять последователям Изменяющего пути и не

слишком разумно, но в данной ситуации ее интересы совпадают с нашими.

Морион встал на место в ногах Джинни и заговорил на иллитири. Четкие, чеканные слова падали, отрицая старый, и формируя новый мир. Признаться, я ожидала, что эта роль достанется мне, а Гарри — возьмет на себя жертвоприношение... Но если Морион посчитал нужным поменяться ролями, то мне, как ученице, остается только подчиниться.

Слова звучали... но слов было недостаточно. Нужно было согласие того, а в данном случае — «той», кто подвергался Изменению, и готовность жертвовать. Это было нелегко. Ведь сейчас в кругу лежал не урод и сволочь из числа врагов Луны, а моя подруга и уже почти сестра Джинни. Но я решительно извлекла атейм из ножен небытия, и опустила на колено. Короткое касание кожи. Ранка открылась совсем крошечная. Но тело Джинни забилося от боли, никак не связанной с повреждением тела. Сейчас сила варпа касалась ее.

Наверное, можно было бы провести Джинни по тому же пути, каким Морион провел меня и Драко с Дафной. Да и путь Ключей или же Луны отнюдь не был столь беспощаден. Но Джинни слишком долго была в распоряжении врага. Ей было привычно подчиняться матери. И сейчас волны варпа позволяли нам увидеть ее такой, какая она есть, без наносного смирения и без того, во что ее пытались превратить. Боль, страх, отчаяние, желание защищать и помогать... льющаяся кровь и ярость, обращенная на врагов... похоть и жажда жизни... колдовство, амбиции и стремление возвыситься. Древний Змей взглянул на нас пламенеющим рубином своего единственного Ока.

...

Я открыла глаза, рассеивая взглядом окутавшую тайную Комнату Тьму. Василиск Слизерина окружил септаграмму своим телом, отрицая и защищая нас, тех, кто внутри, от кошмара вовне. Один из его золотых глаз вспыхивал рубиновым пламенем, когда очередной низший, решивший подзакусить телами и душами колдунов, ослабленных тяжелым ритуалом, попадал вместо места ЗА обеденным столом — НА стол для более сильного. А над ним парил Морион, разя клинком и тяжким словом. Кровь низших лилась рекой, собираясь в предусмотрительно созданные еще Изумрудным магом бассейны.

Я подняла атейм, убирая его туда, откуда взяла. Присоединиться к бойне у меня не было ни сил, ни желания. Да и варп, локально взбаламученный ритуалом, постепенно успокаивался. Мне же было интересно: что случилось с Джинни?

Внешних проявлений проведенного ритуала не было от слова «совсем». Даже нанесенный мной шрам — исчез бесследно. Но вот инициация варпом — полноценно получилась. Сейчас я видела перед собой такую же колдунью варпа и будущую княгиню демонов, какой и сама являюсь. Теперь можно будет доверить Джинни некоторые секреты из тех, которые ранее мы опасались ей рассказывать просто из боязни ее слабости. Ну а, заодно, проведенный ритуал удачно вписался в более масштабные события, проводимые как Темными лордами, так и Светлым кругом. Каждый из более-менее крупных игроков сейчас стремился к одной и той же позиции, оценивая ее как выгодную именно для него. И чья оценка была вернее — покажет будущее.

Я опустила на колени возле разметавшейся Джинни. Ее одежда сторела в Пламени Удуна. Также в этом пламени исчезло все лишнее, все, что мешает, все, что кажется.

Как последовательница Архитектора Судеб, я положила руку на живот лежащей без сознания девочки, и произнесла:

— Нет судьбы!

Сейчас, когда принудительные инсталляции, навешенные на душу Джинни другими — исчезли, ее судьба действительно определялась только тем, какая она есть, а не тем, что хотел бы видеть кто-либо еще.

Черное лезвие Кайгерн Скрытной мягко рассекло твердый гранит, погрузившись в него ровно настолько, чтобы меч встал вертикально, не качаясь. Черный камень Иного мира, Ксенос Морион опустился на колени напротив меня, и положил свою руку на мои пальцы.

— Наша! — произнес он, соглашаясь с моими словами и отрицая их. Пусть сейчас с Джинни были окончательно сброшены цепи чужой воли... она оставалась той, кто она есть. Наверное, это можно назвать судьбой. Ведь в той фразе, которую я начала, есть еще и продолжение: «...кроме той, что творим мы сами». Наверное...

<http://tl.rulate.ru/book/69520/1850722>